

Госпожа Чжоу продолжала ругаться, её узкие глаза смотрели на Чжао Чэня с презрением:

— На кого уставился? Я про тебя говорю, негодяй! Не думай, что раз ты перестал быть дураком, то теперь можешь поступать как хочешь. Ты двадцать лет ел и пил за счёт семьи Чжао, но даже травинки домой не принёс. Раньше мы тебя жалели, потому что ты был дураком, а теперь, раз выздоровел, отправляйся работать!

— Еду и кров мне обеспечивал мой отец, а с тобой у меня никаких дел нет, — холодно ответил Чжао Чэнь, его лицо было непроницаемо. — Забрали дом и имущество старшего сына, чтобы отдать младшему, издевались надо мной, а теперь хотите, чтобы я ещё и работал на вас? У вас, старая карга, совсем совести нет! Не бойтесь, что мой отец ночью придёт и спросит с вас?

Хотя у Чжао-дурака и не было много воспоминаний, он почему-то особенно чётко помнил всё, что касалось семьи Чжао. Он знал, что госпожа Чжоу обожала младшего сына и ещё давно заставила его отца, Чжао Шицая, разделить имущество, отдав всё Чжао Шимину. Позже, когда Чжао Шицай удачно устроился учеником к садовнику в уездном городе, через несколько лет заработал денег, построил дом, купил землю и даже женился, она вдруг пожалела о своём решении.

Но Чжао Шицай был упрямым. Раз его выгнали тогда, разве он теперь позволит им приблизиться к себе?

Ни за что!

Однако в те времена считалось, что дети должны почитать родителей, что бы те ни сделали, и обеспечивать их, причём размер содержания обычно зависел от дохода.

Чжао Шицай не хотел, чтобы его осуждали за спиной, поэтому согласился ежемесячно давать ей один лян серебра на старость.

Один лян, если экономить, в те времена мог обеспечить семью из пяти человек на месяц, и это уже составляло половину его основного дохода. Даже старый учёный Линь вряд ли был бы настолько щедр к своей матери, но Чжао Шицай давал.

Однако сердце некоторых людей никогда не бывает удовлетворено.

Сначала госпожа Чжоу была довольна, но постепенно её перестало устраивать, и она начала таскать вещи из дома старшего сына для младшего, а за спиной ругала Чжао Шицая за то, что он даёт мало.

Чжао-дурака она бесчисленное количество раз тыкала в нос, обвиняя его в том, что он разоряет семью. Если бы не он, деньги Чжао Шицая пошли бы на её содержание, а не на лечение его головы.

Даже несколько раз у неё возникала мысль убить Чжао-дурака, и, если бы не её трусость, он мог бы погибнуть ещё в детстве.

Вспоминая всё это, Чжао Чэнь сжал кулаки, желая избить эту старуху, но, учитывая её возраст, он мог случайно убить её, а за это его ждала бы тюрьма или даже казнь.

Не стоит портить свою жизнь из-за таких мерзких людей.

Но если бить нельзя, то хотя бы можно словесно поставить их на место.

Госпожа Чжоу только слышала от деревенских, что Чжао Чэнь перестал быть дураком, но не ожидала, что он ещё и так остроумен. Она была в ярости.

Скрежеща зубами, она закричала:

— Ах ты, негодяй! Ты ещё смеешь вспоминать своего отца! Если бы не твоя проклятая судьба, твой отец бы не умер! Сейчас же я тебя убью, неблагодарный ублюдок!

С этими словами она, как обычно поступала с Чжао-дураком, бросилась на него, желая ударить.

Но Чжао Чэнь не стал стоять на месте, ловко уклонившись от её атаки. Он обогнул Чжао Гоу'эра, который уже готов был вмешаться, и схватил его за шею.

— Ай! — закричал Чжао Гоу'эр, пытаюсь освободиться от руки, сжимавшей его горло. Ноги его беспокойно дрыгались, пытаюсь ударить Чжао Чэня.

— Если будешь двигаться, я сожму сильнее, — холодно предупредил Чжао Чэнь.

Его голос был ледяным и зловещим, а когда он немного усилил хватку, Чжао Гоу'эр сразу же замер, испуганно заплакав.

— Чжао-дурак, ты что, хочешь убить брата? Отпусти Гоу'эра! — закричала госпожа Чжоу.

Она никогда не любила Чжао-дурака и не считала его внуком, но Чжао Гоу'эр был её любимчиком. Увидев, как её сокровище схватили за шею, она побледнела от страха.

— Этот уродец не достоин называться моим братом, — с презрением усмехнулся Чжао Чэнь.

Не дожидаясь ответа госпожи Чжоу, он швырнул Чжао Гоу'эра к ней, как какой-то предмет:

— Убирайтесь! Если ещё раз придёте ко мне с претензиями, я прикончу вашего любимого внука.

Госпожа Чжоу инстинктивно поймала Чжао Гоу'эра и с тревогой осмотрела его шею. Убедившись, что с ним всё в порядке, она вздохнула с облегчением. Встав, она снова указала на Чжао Чэня:

— Ты, негодяй, псих! Ты погубил моего сына, а теперь хочешь убить моего внука! Я не оставлю тебя в покое, проклятый!

Несмотря на её гневные слова, она не осмелилась напасть снова, вспомнив, как Чжао Чэнь только что сжал шею Чжао Гоу'эра.

Чжао Гоу'эр же, плача, умолял бабушку восстановить справедливость:

— Бабушка, этот дурак меня ударил! Быстрее отомсти ему!

Госпожа Чжоу уже хотела его успокоить, как вдруг увидела, что Чжао Чэнь с невозмутимым лицом приближается к ним. Его взгляд, полный презрения, словно он смотрел на ничтожества, заставил её содрогнуться.

— Ч-что ты задумал? Если ещё раз тронешь моего внука, я с тобой разделаюсь!

— Не принимайте мои слова за пустую угрозу. Если я действительно сойду с ума, вам не поздоровится. Вы живёте в доме моего отца, едите рис, выращенный на его земле, но выгнали меня и даже не давали наесться. Я давно хотел вас всех уничтожить, но тогда был слишком глуп, чтобы придумать, как это сделать. Теперь всё иначе. Я больше не дурак, и у меня есть множество способов избавиться от вас по одному.

Чжао Чэнь спокойно смотрел на них, его глаза были холодны, а слова, как острые лезвия, покрытые льдом, заставляли бабушку и внука содрогнуться.

— Ты псих! — сквозь зуба прошипела госпожа Чжоу, обнимая Чжао Гоу'эра.

— Да, я псих, — не стал отрицать Чжао Чэнь, глядя на них, как на мёртвых. — Так что лучше не злите меня, иначе мы все вместе отправимся к отцу.

Сказав это, он, не обращая на них внимания, зашёл на кухню.

Госпожа Чжоу и Чжао Гоу'эр всегда считали Чжао-дурака ничтожеством, относились к нему как к собаке, которую можно бить и ругать. Но теперь, когда Чжао Чэнь дал отпор, они были вне себя от ярости.

Госпожа Чжоу, придя в себя, решила, что Чжао Чэнь просто не понимает, насколько серьёзно его поведение. Она снова подошла к двери кухни, упёрлась руками в боки и закричала:

— Ты, негодяй, не думай, что раз ты перестал быть дураком, то теперь можешь всё! Ты знаешь, какое наказание ждёт за неуважение к старшим? Я могу пойти в управу и пожаловаться, чтобы тебя посадили в тюрьму!

— Иди, если можешь, — Чжао Чэнь ничуть не испугался, взял лежащий рядом кухонный нож и направил его на Чжао Гоу'эра. — Прежде чем пойдёте жаловаться, подумайте, сможете ли вы это сделать. Иначе жизнь вашего любимого внука может внезапно оборваться.

Госпожа Чжоу, увидев нож в его руках и его бесстрастное лицо, почувствовала ледяной холод в сердце.

— Ты больной, псих! — боясь, что Чжао Чэнь действительно убьёт её внука, она не стала продолжать ссору, схватила Чжао Гоу'эра и ушла.

Чжао Гоу'эр был так напуган, что чуть не обмочился, и смиренно последовал за бабушкой.

Чжао Чэнь смотрел на их удаляющиеся фигуры, холод в его глазах постепенно рассеялся. Он положил нож и зашёл в пространство, чтобы продолжить чтение, как вдруг увидел, что Чэнь Цзю смотрит на него с широко раскрытыми глазами.

Чжао Чэнь подумал, что тот испугался, и поспешил объяснить:

— Я просто напугал их, чтобы они больше не лезли ко мне.

— Я знаю, — кивнул Чэнь Цзю, его взгляд был полон восхищения.

Этот человек был настолько силён, что с лёгкостью справился с теми, кто приходил к нему с претензиями. Как бы он хотел быть таким же.

Чжао Чэнь понял значение его взгляда и с лёгкой усмешкой сказал:

— Я могу позволить себе грубость, потому что у меня нет никого, кто бы меня защищал. У тебя есть отец, который заботится о тебе, так что тебе достаточно просто жаловаться ему, если что-то не так.

— Жаловаться? — Чэнь Цзю немного растерялся, не понимая, что это значит.

— Ничего, просто говори отцу, если что-то происходит, не терпи молча.

Чэнь Цзю кивнул, понимая. Он сначала пожалел Чжао Чэня, вспомнив, что его отец давно умер, но затем подумал, что Чжао Чэнь больше не был Чжао-дураком, и его мысли пошли в другом направлении.

Через некоторое время он осторожно спросил:

— Чжао Чэнь, у тебя на прежнем месте остались родственники?

Чжао Чэнь на мгновение замер, затем кивнул:

— Мой отец ещё жив, но у него новая семья, и он, вероятно, уже забыл обо мне. Когда я умер, он даже не пришёл.

Чэнь Цзю, глядя на его спокойное лицо, почувствовал жалость и восхищение.

Судя по всему, мать Чжао Чэня умерла, а отец им не занимался, так что у него не было никого, на кого можно было бы положиться. Но Чжао Чэнь всё равно смог стать сильным.

Ещё одна глава будет позже.

Спасибо всем за чтение, добавление в закладки, комментарии, критику и исправления ошибок.

Огромное спасибо, люблю вас, целую~~~~

<http://bllate.org/book/16384/1482995>